

П. В. Алексеев^{1,2}, С. С. Жданов^{1,3}, В. С. Шарыпова^{1,4}*

«Полуденная Россия» в ориентальном травелог Н. С. Всеволожского

¹ Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск,
Российская Федерация

² Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск,
Российская Федерация

³ Сибирский государственный университет геосистем и технологий, г. Новосибирск,
Российская Федерация

⁴ Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация
*e-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются пространственные образы «Полуденной России» в травелог бывшего гражданского губернатора Твери Николая Сергеевича Всеволожского «Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах» (1839). Устанавливаются возможные жанровые и стилистические особенности топосов степной Новороссии и Крымского полуострова, а также анализируются идеологические основы образов «Полуденной России» как «внутреннего Востока» Российской империи. Травелог Всеволожского рассматривается в контексте «Писем русского путешественника» (1791) Н.М. Карамзина, «Очерков Константинополя» (1835) К.М. Базили, «Путешествия в Полуденную Россию» (1805) В.В. Измайлова и «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» (1836) А.С. Пушкина.

Ключевые слова: имперский травелог, Н.С. Всеволожский, Крым, Новороссия, греческий проект, Третий Рим, ориентализм

P. V. Alekseev^{1,2}, S. S. Zhdanov^{1,3}, V. S. Sharypova^{1,4}*

“Midday Russia” in N.S. Vsevolozhsky’s oriental travelogue

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

² Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

³ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

⁴ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

*e-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Abstract. The article examines the spatial representations of “Southern Russia” in the travelogue of the former civil governor of Tver, Nikolai Sergeevich Vsevolozhsky, titled “Journey through Southern Russia, Crimea, and Odessa to Constantinople, Asia Minor, North Africa, Malta, Sicily, Italy, Southern France, and Paris in 1836 and 1837” (1839). Possible genre and stylistic features of the topos of the steppe regions of Novorossiia and the Crimean Peninsula are established, and the ideological foundations of the images of “Midday Russia” as the “Internal East” of the Russian Empire are analyzed. Vsevolozhsky's travelogue is considered in the context of “Letters of a Russian Traveler” (1791) by N.M. Karamzin, “Sketches of Constantinople” (1835) by K.M. Bazili, “A Journey to the Midday Russia, 1800–1802” (1805) by V.V. Izmaylov, and “Travels to Arzrum during the campaign of 1829” (1836) by A.S. Pushkin.

Keywords: Imperial travelogue, N.S. Vsevolozhsky, Crimea, Novorossiya, Greek project, Third Rome, Orientalism

Введение

«Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах» Н.С. Всеволожского – один из интереснейших текстов, написанных в первой половине XIX века в жанре «ориентального травелога» [1], включенных также в парадигму «имперского травелога» [2]. Этот текст заслужил внимание современников и последующих поколений, поскольку объединял в себе несколько направлений, интересных читающей публике: он содержал описания южных окраин Российской империи, выступал отчетом о путешествии на Восток и включался в ряд многочисленных описаний частных путешествий русских дворян в страны Европы.

Жанровые и стилевые особенности текста, а также прямые отсылки к источникам позволяют установить, что текст «Путешествия в Южную Россию» Н.С. Всеволожского ориентировался минимум на три предшествующие текста: «Письма русского путешественника» (1791) Н.М. Карамзина, «Очерки Константинополя» (1835) К.М. Базили и «Путешествие в Полуденную Россию» (1805) В.В. Измайлова. Кроме того, Всеволожский вполне мог ознакомиться с ориентальным травелогом А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», который был опубликован в 1-м номере «Современника» за неделю до отъезда Всеволожского из Москвы – 11 апреля 1836 г. Переключки между текстами Всеволожского и Пушкина могут иметь характер как скрытых цитат, так и типологического сходства в рамках жанра ориентального путешествия – этот аспект требует отдельного рассмотрения.

Карамзинский травелог послужил общей моделью нарративной структуры травелога Всеволожского – от лица русского путешественника «с книгой в руках» [3, с. 572]: странствующий аристократ сознательно формирует текст, в котором наблюдаемое пространство насыщено цитатами, экскурсами в историю, а также огромным количеством исторических лиц. Особенно велико значение карамзинского травелога в описаниях европейских локусов. Семиотическую связь между повествовательной инстанцией «русского путешественника» Всеволожского и другими «русскими путешественниками» ощутил, например, автор рецензии, опубликованной в болгаринской «Северной пчеле» в 1839 г.: «Излишним почитаем заметить, что Рим был осмотрен во всех отношениях Русским странником, человеком умным, ученым и образованным <...> Прочитав, и до сих пор читая множество путевых писем и записок о столице Франции, мы однако ж с большим удовольствием прочли отзыв о ней и нового Русского путешественника» [4, с. 482–483].

В описаниях восточного пространства, а также в плане «константинопольского дискурса», в котором переплетены политические, мифологические и идеологические мотивы, чувствуется влияние очень популярных в конце 1830-х го-

дов сочинений К.М. Базили: после успеха «Очерков Константинополя», вышедших в 2-х частях в 1835 году, Базили через год выпустил две части продолжения – «Босфор и Новые очерки Константинополя» (1836), иллюстрированные четырьмя гравюрами К.П. Брюллова. Несколько раз упомянутые в тексте Всеволожского, «Очерки Константинополя» выступили фоновым текстом для описаний турецкой столицы. Что касается текста В.В. Измайлова, то он важен как сентиментальная основа для идиллических описаний «Полуденной» территории Российской империи – Крыма и степей Новороссии, воспринятых в качестве важного (а не только промежуточного) пространства.

В настоящей статье мы остановимся только на описаниях южной («полуденной») части Российской империи в первом томе, включающей пространство от Белгорода до Одессы, выявим значимость описываемых южнорусских топов для автора, а также определим исторический и идеологический контексты этой части ориентального травелога Всеволожского. Эта проблематика в настоящее время мало исследована. Специальных работ, посвященных образам Южной России в тексте Всеволожского, обнаружить не удастся. Отдельные замечания о травелоге содержатся в статьях А.М. Черемисина, Г.М. Михайленко [5], Г.С. Каушлиева [6], А.С. Панова [7], а также во вступительной статье Э.Б. Петровой к переизданию в 2020 г. части текста под названием «Путешествие из Москвы в Крым и Одессу, совершенное в 1836 году» [8]. Общие замечания об имперском контексте имагологии Новороссии и Крыма как пограничного пространства содержатся в работах В.С. Киселева, Т.А. Васильевой [9], М. Шкандрия [10], К. Хокансон [11] и др.

Методы и материалы

Методология исследования базируется на имагологическом подходе при анализе описаний пространства и народов, которые его населяют (описываемого как «Другие»), сочетающем принципы структурно-семиотического подхода, классической компаративистики и современных приемов, разработанных в парадигме постколониальной критики (в частности, т.н. «ориенталистского подхода» [12, с. 20–23]), учитывающего достижения А. Зорина [13], Р. Джераси [14], Д. Гриффитса [15], В. Кивельсон [16], М. Долбилова [17], Д. Схиммельпенника ван дер Ойе [18], В. Проскуриной [19], Л. Вульфа [20] и др. Деконструкция идеологического содержания исследуемого текста опирается на исследования дискурсивных процессов Российской империи (новой имперской истории), а также на исследованиях фронта (культурного пограничья).

Материалом исследования служит травелог Н.С. Всеволожского [21], опубликованный в двух частях в 1839 году в Москва (в типографии Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической академии), рассмотренный в контексте исторических процессов России конца 1830-х годов, ее международной политики, а также логике эволюции жанра ориентального травелога.

Результаты и обсуждение

Николай Сергеевич Всеволожский (1772–1857), отставной подполковник, бывший в период с 1809 по 1817 г. владельцем частной типографии в Москве, а с 1817 по 1826 г. – гражданским губернатором Твери, к моменту путешествия совершенно отошел от государственных и издательских дел, занимаясь коллекционированием и чтением книг, в том числе исторического содержания. Отголоски этого увлечения можно найти не только в тексте его травелога, но и в сочинении, которое он издал спустя 6 лет после выхода в свет его травелога, – «Хронологическом указателе внешних событий русской истории, от пришествия варягов до вступления на престол ныне царствующего императора Николая I» (1845) [22].

Общий характер обращения Всеволожского с историческими темами и с современной политической повесткой определяется его лояльным отношением к правительству и российскому истеблишменту: он придерживается официальных оценок и старательно избегает «острых углов». Например, «Хронологический указатель» содержит довольно много событий военного характера и указания на политические смуты в других странах, но, заканчивая текст описанием сюжета вступления Николая I на престол, автор умалчивает о декабрьских событиях 1825 г. В травелоге он также лоялен правительству, и все упомянутые в его тексте представители российской знати награждаются положительными эпитетами – все они замечательные люди, делающие посильный вклад в могущество российского государства, несмотря на то, что многие современные читатели травелога знали о скандальных событиях в жизни описываемых лиц (например, князя А.Н. Голицына, графа Витта, Каролины Сабанской и др.). В конце второго тома, описывая прибытие в Кронштадт, Всеволожский заявляет, что, к своему сожалению узнал о недавней смерти (по болезни) государственного деятеля А.Д. Балашева, но ни слова не говорит о трагической гибели А.С. Пушкина, который был знаком с ним и его сестрой А.С. Голицыной [23, с. 6, 21]. Между тем, смерть Пушкина была едва ли не главной сенсацией, которая обсуждалась и в Петербурге, и на южных границах империи (о чем свидетельствует, например, письмо баронессы Юлии Беркгейм Н.Н. Раевскому из Кореиза, имения А.Н. Голицыной, в середине февраля 1837 г. [24, с. 323]).

Уверенность в своих познаниях позволяла Всеволожскому выносить суждения в разных областях науки – от истории до археологии. Некоторые из этих суждений, несмотря на общий благоприятный прием травелога читающей публикой, становились объектом профессиональной критики. Так, Н.И. Надеждин в рецензии, опубликованной в 1-м томе «Записок Одесского общества истории и древностей» за 1844 год, обратил внимание на множество неточностей этнографического, исторического, археологического и топонимического характера, а также на ряд нелепых умозаключений, обнаруживаемых в книге (например, относительно курганов Екатеринославской, Херсонской и Крымской степи, а также относительно происхождения половцев и печенегов [25, с. 439]).

В пути Всеволожский находился чуть более года: с 17 апреля 1836 г., когда он выехал из Москвы в направлении Серпуховской заставы, до последних чисел мая 1837 г., когда он сошел с парохода на Английскую набережную в Петербурге. Несмотря на то, что конечная точка заграничного путешествия Всеволожского – Париж (после которого он отправляется в обратный путь), а описания Италии и Франции занимают значительное место, этот травелог следует определить как «ориентальный» в силу нескольких причин. Во-первых, главной причиной, побудившей 64-летнего аристократа отправиться в дальний путь, как он сам это подчеркивает, были политические события на Востоке, рассматриваемые автором в религиозном ключе в непосредственной связи с интересами Российской империи: «Признаюсь, однако, что положение Турецкой Империи, вводимые нынешним Султаном перемены, отделение Египта и Сирии, сильно возбуждали мое любопытство. Я хотел на месте разгадать эту загадку, и, не основываясь на рассказах журналистов и на суждениях вслух кабинетов Европы, решился удостоверить сам, чего можно ожидать от этого. Как ни говори, мы соседи, и стыдно было бы от дальних узнавать то, что у нас под носом. И так, помолившись у Иверской Божией Матери, распрощавшись со старым Кремлем и Царскими теремами, я отправился молиться к Влахернской Богородице, к стенам Константиновым, и ко дворцу Феодосиеву: они между собой в тесной связи, можно сказать в родстве» [21, с. 3].

Пространство «Полуденной России» от Белгорода до Одессы содержит большой ориентальный материал, а населенные пункты и их жители описываются при помощи тех же приемов ориентального острания, какие в конце XVIII – начале XIX вв. применялись для описания любого ориентального пространства с позиции просвещенного путешественника: четко обозначена граница между «своим» и «чужим», «правильным» и «неправильным», «структурированным» и «хаотичным», иными словами, «западным» и «восточным» [12, с. 55]. Восток как пространство лени, невежества и легализованного насилия требует соответствующих сюжетов, и эти сюжеты Всеволожский непременно формировал. Так, знаки «восточности» появляются уже в Туле, где Всеволожский приобретает «два кинжала, совершенно подражающие персидским» [21, с. 7], а проезжая Богородский и Крапивенский уезды, размышляет о том, что «грунт земли нигде, разве кроме Малой Азии, не может сравниться с Тульским грунтом тучностью и плодородием» [21, с. 7]. Эти элементы еще не говорят о «восточности» пространства: путешественник устремлен на Восток и поэтому подбирает соответствующие сравнения.

Настоящая цивилизационная граница будет обнаружена им в Белгороде и его окрестностях: Белгород оказался совершенно пустым («словно замороженным, в котором все окаменели»), где двое «ленивых малороссиян» кое-как запрягли ему лошадей. Сразу за Белгородом повествователь обнаруживает лиминальное пространство типологического Востока: «Здесь чувствуешь совсем иную природу: ты вступил в Малороссию! Народ не тот, черты лица другие, почва земли, местоположения, все принимает другой вид; женщины не лучше, но как-то веселее; вообще все гостеприимнее, но всему разбросана какая-то

нежность, какая-то лень; уже начинаешь чувствовать влияние умеренного климата» [21, с. 11]. В этом пространстве удаленность от цивилизации фиксируется образом вонючей ямы посреди улицы в Харькове, у самого почтового двора, в которой коляска Всеволожского так крепко «загрязла», что четверо лошадей не могли ее вытащить. Это описание выравнивается описанием гармоничной картины ночной поездки из Харькова в Екатеринослав (современный Днепр), во время которой пели соловьи и месяц освещал дорогу. Таким образом, с первых минут обнаружения пространства внутреннего или, по формулировкам В. Тольц, «собственного» [26] Востока Российской империи, путешествующий аристократ использует прием, при помощи которого любое пространство гарантированно становится типологически восточным – сочетание удаленной от цивилизации экзотики и опасности, проистекающей от местных природных условий и неразумного аборигенного населения.

Топос Никополя вводит в текст исторический контекст, важный для всей новороссийской темы травелога и определяющий геополитическое и историческое значение этих земель для Российской империи как земель народа сначала «отпавшего от России» и организовавшего Запорожскую Сечь, а затем вернувшегося в ее лоно в ходе естественного имперского расширения державы во время царствования Алексея Михайловича, когда «вся Украина, древнее наше достояние, Киев, Чернигов, Переяславль и прочие, на веки присоединились к старым родичам и единоверцам своим Россиянам» [21, 17].

Пространство исторической Запорожской Сечи для Всеволожского в цивилизационном отношении диффузное, обладающее чертами Запада и Востока (оно может быть обозначено еще как «протоевразийское») в политическом и культурном отношении: «Странно покажется иногда, что небольшой народ, живущий посреди степей, окруженный со всех сторон сильными державами, беспрепятственно воюя, то с той, то с другой, мог удержаться и не быть совершенно истреблен; но взгляните на карту, и вы увидите, что находясь между Польшей и Крымом, он служил оплотом и сторожевым войском Полякам против Крымцев; в случае же сильного угнетения от своих властелинов, возставал и вместе с Татарами врывался и пустошил Польшу. Начальники их, по обстоятельствам приставая то к той, то к другой стороне, уверены были всегда иметь союзника» [21, 17]. Н.И. Храпунов справедливо указывает, что Крым обладал такими смешанными чертами Запада и Востока не только в отечественных, но и в европейских травелогах конца XVIII – начала XIX вв. [27, 86].

Итак, Всеволожский постепенно ориентализует пространство Российской империи по мере своего продвижения на Восток. Если степи бывшего «Дикого поля» ориентализованы частично, Крым воспринимается как полноправный внутренний Восток России, максимально сочетающий в себе черты «волшебного» и «опасного». Крымскому пространству Всеволожский посвящает больше всего места в своем травелоге: из четырех первых глав, посвященных пространству Полуденной России, три посвящены Крыму. В целом же, 2 тома Всеволожского равномерно разграничивают западную и восточную темы: первый том содержит восточную часть путешествия (Южная Россия, Константинополь, Алек-

сандрия, города Греции и Северной Африки), второй том – европейскую (города Италии и Франции).

Переход в восточное пространство обыгрывается появлением эффекта миража в степи около Перекопа, который определяется как «наваждение», типичное для этих мест, и далее идет описание въезда в Тавриду, это «гнездо, из которого столько веков хищные Татары, как саранча, влетали в пределы России, жгли села, города наши, грабили, убивали мирных жителей пограничных губерний, и уводили жен и младенцев в плен» [21, с. 23]. Граница между Крымом и степями Новороссии, таким образом, становится для Всеволожского необходимым приемом оправдания экспансии, за которой скрыта не алчность правителей, а геополитическая мудрость и цивилизующая мощь империи.

Семантика насилия открывает крымский топос и продолжается далее в эпизоде бесцеремонного проникновения русского путешественника в мусульманское жилище, структурно соответствующее эпизоду из пушкинского «Путешествия в Арзрум»: если Пушкин попытался без спроса проникнуть в жилище турка (на Турецкой земле, завоеванной армией И.Ф. Паскевича), а на его протесты применил нагайку и по-турецки потребовал привести ему лошадь [28, с. 53], то Всеволожский описывает, как на конной прогулке в окрестностях Гаспры въехал на террасу, оказавшуюся «плоской крышей Татарской лачуги», и провалился в нее прямо во время семейного ужина. Как и в случае с Пушкиным, мусульмане собрались и возмущенно кричали, однако если Пушкин умиловил турок деньгами, Всеволожского спасли не только деньги, но и авторитет сестры: «Сначала они было закричали на меня, но узнали слугу сестры моей, которую все в округе чтут и называют Султаншею, схватили за хвост и за шею мою лошадь, и стащили ее невредимо и благополучно на дорогу. Я сел на своего россинанта и поехал назад, отложив поездку на вершины Яйлы до другого дня. Заплатив Татарам пять рублей за свое дурачество, я поехал сопровождаемый их пожеланиями доброго пути» [21, с. 66]. Если в случае Пушкина мы имеем дело с завуалированной иронией и полемикой с ориенталистским редукционизмом и экспансионистской политикой империи [12, с. 268], то в случае Всеволожского наблюдается как раз репрезентация имперского права «вторжения на Восток», в ходе которого разрушение жилища местного жителя обозначается невинным «дурачеством».

Ориентализация пространства Крыма необходима Всеволожскому для вполне определенной задачи – продемонстрировать неколебимую власть Российской империи над «русский Востоком» через описания идиллической картины дач и усадеб имперской знати, разбросанных по всей территории Крыма: повсюду английские сады, зелень, изобилие и роскошь. Крым в восприятии Всеволожского – не только внутренний Восток, но и ворота во внешний Восток, куда устремлены его мечтательные взоры. Крайней точкой «внутреннего Востока» традиционно выступает порт Одессы, откуда Всеволожский, как и другие путешественники, отправляется в столицу Османской империи, существующую в двух планах воображаемом (как Константинополь) и реальном (как Стамбул).

Если в культурном и цивилизационном ключе Всеволожского привлекают разные территории от Малой Азии и Северной Африки до Мальты и Парижа, то

в идеологическом ключе – больше всего столица Порты, занимающая важное место в идеологических конструкциях «Москвы – Третьего Рима». Идея «Третьего Рима», связанная с «греческим проектом» Екатерины II легко вычлняется из текста травелога, хотя и не называется напрямую. Знакомство Всеволожского с этими идеями определяется не только общекультурным контекстом эпохи, но и биографическим контекстом: княгиня А.С. Голицына, сестра Всеволожского и владелица усадьбы-колонии пиетистов в Кореизе, где он остановился на 2 недели до отплытия в Константинополь, была вовлечена в дискурсы «греческого проекта» и «Третьего Рима» через свою ближайшую приятельницу баронессу Варвару Юлию фон Крюденер. В 1821 г. Крюденер внушала императору Александру I идею поддержки греческого восстания против турок, но вызвала этим бурную негативную реакцию монарха, повелевшего ей «не вмешиваться не в свои дела», после чего «обиженная баронесса вернулась в Лифляндию. А оттуда отправилась в Крым, где приобрела маленькое имение и провела остаток дней в обществе своей дочери Беркгейм, княгини Анны Сергеевны Голицыной (сестры Софии Сергеевны Мещерской) и других послушниц ее религиозного экстаза» [29, с. 197–198]. На момент приезда Всеволожского баронессы Крюденер не было в живых, в Кореизе жила ее дочь, баронесса Юлия Беркгейм.

В вводной части автор объявляет «предначертанием судьбы» его стремление побывать в Константинополе и Риме – эта мысль появляется сразу после его рассуждений о славных временах его юности, когда он участвовал в имперских предприятиях Екатерины II: «Я почти один остался от современников, которые могли бы еще вспомнить волшебные времена Екатерины; друзья, товарищи, все померли. Куда же? За чем я еду? Неужели опять мечтать? Опять строить воздушные замки? Но если и так, то уж право не для себя. Еду потому, что судьба искони определила мне быть в Константинополе, в Риме, и я слепо повинуюсь ее воле; не знаю за чем, но еду в Константинополь, еду в Рим» [21, с. 5]. Формула «еду в Рим, еду в Константинополь» в дальнейшем еще не раз встретится в тексте: «Судьба велит ехать в Константинополь! Велит ехать в Рим!» [21, с. 70], «Прощай, Рим! Прощай, Константинополь!» [21, с. 71].

В ходе описаний Константинополя Всеволожский вновь возвращается к идее преемственности «Второго Рима»: «Еще раз объехал я вокруг стен Константинополя, вздохнул и подумал: Вот остатки этого знаменитого города! Несколькo изученных колонн, развалины одного царского дворца, и православные храмы, обращенные в мечети и зверинцы, и водопроводы и стены – вот главное, что осталось от столицы Константина Великого, вместе с семью холмами ее. Эти холмы будто предзнаменовали, что на прелестном берегу Босфора Фракийского должна была взойти столица преобразованной империи, преемница семихолмного Рима!» [21, с. 275].

В контексте размышлений Всеволожского о возможности военного захвата османской столицы (в силу слабости турецких укреплений и турецкой армии [21, с. 128–131]) идеологическая значимость «Второго Рима» для автора прослеживается очень четко. Идея «Третьего Рима» имплицитно появляется в тексте сразу после того, как путешественник выдвигается «по древней Аппиевой дороге» в

направление Рима, сравнивая пространство не просто российским, а именно с московским: «Здесь Рим уже является во всем своем величии! Если кто решится не смотреть по сторонам, а устремит свои глаза только на город, перед ним будет картина, совершенно похожая на Москву, когда в нее въезжаешь по Смоленской дороге: такая же обширная равнина застроена огромным городом. Здания еще не обозначаются отдельно и представляют громаду города, в которой особенно заметны купола с золотыми верхами, множество церквей, кресты, колокольни. Но я сказал, что не надо смотреть по сторонам; иначе все примет другой вид, и сходство с Москвой исчезнет» [30, с. 97]. В этих компаративных рассуждениях видна важная особенность травелога Всеволожского: с начала до конца он словно движется на нескольких пространственно-временных уровнях: реальном и воображаемом. Воображаемое пространство актуализируется в тексте каждый раз, как только повествователь погружается в идеологический дискурс: грандиозные события в прошлом и вероятные великие свершения в будущем искажают реальные черты наблюдаемого пространства Запада и Востока.

Идеологический подтекст интереса Всеволожского к пространству Крыма контекстуально определяется религиозно-мифологическими идеями, несмотря на то, что основной характер идеологических рассуждений Всеволожского об этом пространстве больше связан с культурными («Полуденный берег, эта Италия России, заключает в себе все, что может усладить жизнь и доставить спокойствие человеку» [21, с. 84]), политическими и военными аргументами. Весь комплекс описаний и рассуждений Всеволожского о «Полуденной России» определяется концептосферой русского ориентализма.

Заключение

Таким образом, рассмотрев образы Новороссии и Крыма (Тавриды) в травелоге Н.С. Всеволожского, можно отметить, что они были созданы в рамках имперского ориентального травелога и были направлены на формирование важного послания читателям, знакомым с идеями «греческого проекта» Екатерины II. Захватив и освоив в культурном и экономическом отношении бывшие турецкие владения, имеющие важное символическое значение для православной империи, Всеволожский продвигал мысль о неизбежном будущем владычестве русской короны над Константинополем и другими областями Востока.

Благодарности

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII – XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы», <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев П. В. Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века. Филология и человек. – 2014. – № 2. – С.34–46.

2. Пономарев Е. Р. Русский имперский тревелог // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 2(144). – С. 33-44.
3. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1987. – С. 525–606.
4. [Б/а]. Путешествие, через южную Россию, Крым и пр. (Окончание) // Северная пчела. – 1839. – № 121 (2 июня). – С. 482–483.
5. Черемісін О. В., Михайленко Г. М. Образ міст півдня України у подорожніх путівниках ХІХ століття // Scriptorium nostrum. Електронний історичний журнал. – Херсон, 2018. – Вип. 2 (11). – С. 114–126.
6. Каушлієв Г. Красназавчї студії вітчизняних мандрівників в Криму (30–50-і рр. ХІХ ст.) // Красназавство. – 2011. – № 2. – С. 6–13.
7. Панов А. С. Амбивалентность образа Одессы в репрезентациях русских и американцев в первой трети ХІХ в. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2016. – № 2 (4). – 110–119.
8. Всеволожский Н. С. Путешествие из Москвы в Крым и Одессу, совершенное в 1836 году. – Феодосия: Коктебель; Симферополь: Н. Оріанда, 2020. – 167 с.
9. Киселев В. С., Васильева Т. А. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских тревелогах начала ХІХ в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин) // Имагология и компаративистика. – 2015. – № 2 (4). – С. 20–42.
10. Shkandrij M. Russia and Ukraine: Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times. – Montreal; London: McGill-Queen's University Press, 2001. – 368 p.
11. Hokanson K. Writing at Russia's border. – Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2008. – 336 p.
12. Алексеев П. В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины ХІХ в.: от А. С. Пушкина к Ф. М. Достоевскому. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. – 347 с.
13. Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети ХVІІІ – первой трети ХІХ века. – М.: Новое лит. обозрение, 2001. – 414 с.
14. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России: авторизов. пер. с англ. В. Гончарова. – М.: Новое лит. обозрение, 2013. – 538 с.
15. Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 536 с.
16. Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России ХVІІ века. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 357 с.
17. Долбиллов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с.
18. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. – М.: Новое лит. обозрение, 2009. – 419 с.
19. Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 322 с.
20. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 567 с.
21. Всеволожский Н. С. Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах: в 2 т. – М.: Тип. Августа Семена, 1839. – 502 с.
22. Всеволожский Н. С. Хронологический указатель внешних событий русской истории от пришествия варягов до вступления на престол ныне царствующего Императора Николая I, составленный Николаем Всеволожским: в 2 т. – Т. 1. – М.: Тип. А. Семена, 1845. – 328 с.
23. Пушкин А. С. Письма к жене. – Л.: Наука, 1986. – 262 с.

24. Архив Раевских: в 5 т. – Т. 2 [Письма 1830–1838 гг.]. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1909. – 667 с
25. Надеждин Н. [Рецензия] // Записки Одесского Общества истории и древностей. – 1844. – Т. 1. – С. 438–441.
26. Тольц В. «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедения в позднеимперский и раннесоветский период. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 332 с.
27. Храпунов Н. И. Крым между Западом и Востоком в записках британских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Взгляд чужеземца: Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв.: коллективная монография. – М.–СПб.: Институт славяноведения РАН, Нестор-История, 2020. – С. 81–97.
28. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Современник. – 1836. – Т. 1. – С. 17–84.
29. Николай Михайлович (вел. кн.). Император Александр I: Опыт исторического исследования: С 12 таблицами портретов и рисунков. 2-е изд. – Пг.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1914. – 772 с.
30. Всеволожский Н. С. Хронологический указатель внешних событий русской истории от пришествия варягов до вступления на престол ныне царствующего Императора Николая I, составленный Николаем Всеволожским: в 2 т. – Т. 2. – М.: Тип. А. Семена, 1845. – 531 с.

© П. В. Алексеев, С. С. Жданов, В. С. Шарыпова, 2024